

Веретенников Николай Николаевич

кандидат юридических наук,
заместитель председателя
Хабаровского краевого суда

ЮРИСДИКЦИЯ ВОЕННЫХ СУДОВ В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Veretennikov Nikolay Nikolaevich

PhD in Law,
Deputy Chairman,
Khabarovsk Regional Court

THE JURISDICTION OF MILITARY COURTS IN THE SPECIAL LEGAL REGIMES

Аннотация:

Статья посвящена исследованию достаточно сложных и актуальных вопросов процессуального характера – юрисдикции военных судов в условиях особых правовых режимов, при том что данные вопросы в современном процессуальном законодательстве не достаточно урегулированы. На основании анализа развития процессуального законодательства России автор приходит к выводу, что при определении юрисдикции военных судов в условиях особых правовых режимов возникают вопросы защиты конституционных прав человека и гражданина, ограничения которых в экстремальных условиях должны быть минимальными, аргументированно обоснованными и носить временный характер.

Ключевые слова:

чрезвычайное положение, военное положение, юрисдикция, военный суд, ограничение прав, права человека.

Summary:

The article discusses rather complicated and pressing issues of procedural nature – the jurisdiction of military courts in the conditions of special legal regimes, considering the fact that these issues are not regulated enough by the current procedural legislation. On the basis of the procedural legislation development in Russia the author comes to the conclusion that when defining the jurisdiction of military courts in conditions of special legal regimes the matters of constitutional protection of human and civil rights are crucial, the limitation of these rights in extreme conditions should be minimal, reasonable and temporary.

Keywords:

state of emergency, martial law, jurisdiction, military courts, limitation of rights, human rights.

Юрисдикция (от лат. *jurisdictio*) – предусмотренные законом полномочия суда давать оценку правомерности или неправомерности действий физических или юридических лиц, разрешать правовые споры, применять санкции к лицам, нарушающим законы и нормы права [1, с. 414].

Увязывая вопросы юрисдикции военно-судебной власти с вопросами особых правовых режимов, необходимо остановиться на следующем.

Конституция РФ (ч. 2 ст. 87 и 88) определяет следующие особые правовые режимы, вводимые на всей территории государства или в отдельных ее местностях: военное и чрезвычайное положения. С учетом положений ст. 1 и 3 Федеральных конституционных законов от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» и от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» первый режим вводится для отражения внешних угроз Российской Федерации, а второй – в силу причин внутреннего характера (угроза жизни и безопасности граждан или конституционному строю России).

Особым правовым режимам в юридической науке уделяется значительное внимание. В основном они увязываются с защитой прав и свобод человека и гражданина. Данную тему исследовали такие ученые, как О.В. Брежнев [2, с. 23–27], С.В. Пчелинцев [3, с. 95–105], В.В. Лозбинев [4, с. 169–171] и многие другие. Ученые-юристы уделяют недостаточное внимание теме юрисдикции военных судов в экстремальных условиях.

В соответствии со ст. 35 ФКЗ «О чрезвычайном положении», осуществление правосудия на территории, на которой введено чрезвычайное положение, осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ. В случае когда на территории, на которой введено чрезвычайное положение, невозможно осуществление судами правосудия, их территориальная юрисдикция может быть изменена по решению Верховного суда РФ. Относительно данного законоположения есть несколько суждений. Так, по мнению С.В. Пчелинцева, указанная норма имеет «технологический» характер и не затрагивает принципиальных основ гарантированного права личности на судебную защиту [5, с. 97–108]. Точка зрения С.Н. Семенова заключается в том, что рассматриваемое юрисдикционное правило безупречным назвать сложно, поскольку территориальная юрисдикция изменяется не на основании закона, а на основании дискреционных полномочий правоприменительного органа или должностного лица [6, с. 49–53].

Первое высказывание, по нашему мнению, носит дискуссионный характер лишь только потому, что конституционное положение, когда «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом», сложно соотносить с технологическим характером, не затрагивающим права граждан. Относительно второго мнения – с ним также трудно согласиться, ведь законодатель делегировал указанное право, во-первых, исключительно высшей судебной инстанции – Верховному суду РФ и, во-вторых, исходил из интересов человека и гражданина с целью исключения положения, когда вне юрисдикции судебной власти могут оказаться определенные территории России. Более того, любое решение, в том числе и представителя судебной власти, основано на дискреционных полномочиях судьи: право на объявление перерыва или на приостановление производства по делу; право предложить сторонам представить доказательства и т. д. Профессор М.И. Клеандров под дискреционными полномочиями судьи понимает законные полномочия, позволяющие должностному лицу действовать по собственному усмотрению в пределах определенных законом полномочий [7, с. 315–320]. Аналогичная позиция высказана и профессором А.С. Александровым [8, с. 56].

Во всяком случае, законодателем предусмотрен надежный механизм реализации конституционных прав граждан на судебную защиту в условиях чрезвычайного положения.

Новейшая история России знает несколько случаев, когда в отдельных республиках Северного Кавказа вводилось чрезвычайное положение. Так, Указом Президента РФ от 2 декабря 1994 г. № 2145 (ред. от 09.12.1994) «О введении чрезвычайного положения на территории Республики Северная Осетия и Ингушской Республики» для обеспечения государственной и общественной безопасности было введено чрезвычайное положение [9].

Определенный интерес представляет правовой режим, установленный Указом Президента РФ № 2166 от 9 декабря 1994 г. «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» [10]. Данный правовой режим по своей форме и содержанию близок к чрезвычайному положению. Об этом свидетельствует ряд признаков: во-первых, особый режим вводился Указом Президента РФ; во-вторых, основанием для введения особого режима являлись непосредственная угроза жизни и безопасности граждан, а также деятельность незаконных вооруженных формирований; в-третьих, на территории вводились временные ограничения, аналогичные чрезвычайному положению.

При этом вопросы судебной юрисдикции в отношении воинских частей и подразделений, выполнявших задачи по наведению конституционного порядка, разрешались на основании дискретных распоряжений должностных лиц военно-судебной системы, а с принятием 23 июня 1999 г. Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» № 1-ФКЗ юрисдикция военных судов стала определяться на основании закона. В соответствии с Федеральным законом от 8 октября 2002 г. № 121-ФЗ «О создании Грозненского гарнизонного военного суда», его юрисдикция распространяется на территорию, где расположены военные гарнизоны, войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, дислоцированные в Чеченской Республике [11].

Что же касается юрисдикции военных судов в условиях военного положения, этот вопрос своего надлежащего разрешения в законодательстве современной России не получил.

Анализ двух масштабных войн, которые пережила Россия за относительно короткий исторический период, позволяет выявить следующие особенности юрисдикции военных судов в условиях военного положения.

К Первой мировой войне Российская империя подошла с вполне серьезной правовой базой, регулирующей вопросы юрисдикции военных судов, как на театре военных действий, так и в тыловых районах империи.

Основным нормативно-правовым актом был IV раздел Военно-судебного устава «О судах в военное время» (далее – Устав) [12]. Не лишним будет заметить, что о высокой степени проработанности правовых норм Устава свидетельствует его высокая оценка эмиссаром французского правительства президента Патриса де Мак-Магона (1873–1879), по мнению которого российский военный суд – идеал суда [13, с. 77].

Несомненным достоинством IV раздела Устава являлась подробная детализация юрисдикционных правил (раздел включал в себя 134 статьи), позволявшая свести к минимуму административное вмешательство военного командования. Но были и исключения, когда военная администрация в интересах армии могла по своему усмотрению изменить юрисдикцию военных судов. Это право предоставлялось исключительно высшим воинским должностным лицам, что служило дополнительной гарантией недопущения возможного административного произвола со стороны как среднего, так и низового командного звена.

Последующие события Октября 1917 г. «снесли» с исторической сцены Российскую империю с ее институтами власти, в том числе и военно-судебным. Советская юридическая наука к

юрисдикционным вопросам, регулирующим деятельность военных судов в условиях военного положения, вернулась только в период Великой Отечественной войны.

Юрисдикция военных трибуналов определялась Указами Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» [14], а также «Положением о военных трибуналах и военной прокуратуре» от 20 августа 1926 г. [15].

В отличие от IV раздела Устава, юрисдикция военных трибуналов была практически не ограничена и распространялась: на всю территорию страны; на преступные деяния, перечень которых был открытым и мог быть дополнен административным решением военных властей любого уровня; на всех военнослужащих, гражданских лиц и военнопленных.

После окончания Великой Отечественной войны все нормативно-правовые акты, регулировавшие юрисдикцию военно-судебной власти в условиях военного положения, были отменены, и юридическая наука к данному вопросу вернулась только в постсоветский период.

Первым, кто затронул данную тему, был профессор Н.А. Петухов, по мнению которого в современных условиях созрела необходимость в законодательном регулировании юрисдикции военных судов в условиях военного положения [16, с. 51–60].

Определяя юрисдикцию военно-судебной власти в современных условиях, следует исходить прежде всего из конституционных и международных базовых принципов, позволяющих законодателю ограничивать права человека и гражданина исключительно в общественно значимых целях, как это прямо указано в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека (принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) [17] и соответствующих статьях Международного пакта о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [18].

При этом поиск оптимальной модели целесообразного ограничения прав и свобод человека в интересах государства и общества является одной из самых сложных задач современной юридической науки.

Применительно к исследуемой теме следует четко обозначить следующие принципиальные позиции, связанные с изменением юрисдикции военных судов в условиях военного положения, которые в той или иной степени затрагивают конституционные права граждан:

– основания изменения: складывающаяся оперативная, тактическая или стратегическая обстановка на театре военных действий; социально-политическая и криминальная ситуация в прифронтовых или тыловых районах страны и т. д.;

– формы изменения юрисдикционных правил: соответствующий федеральный или федеральный конституционный закон, Указы Президента РФ, постановления Пленума Верховного суда РФ, распоряжения Председателя Верховного суда РФ и другие формы;

– субъекты инициативы изменения: командующий войсками округа, фронта, председатели военных судов армии, фронта, военного округа, Председатель Верховного суда РФ или его заместители. Инициатором подобной инициативы может быть совместное ходатайство заинтересованных лиц.

Важным моментом является установление критериев, определяющих необходимость изменения юрисдикции военных судов в условиях военного положения. Исходя из содержания ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, к базовым критериям, устанавливающим допустимость ограничения основных прав и свобод, следует отнести защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Данные критерии являются общими, не учитывающими специфику деятельности военных судов в условиях военного времени.

К специфическим критериям, определяющим необходимость изменения юрисдикции военных судов, могут быть отнесены: неравномерность численности личного состава войск фронта при выполнении важной стратегической задачи на театре военных действий (критерий территориальности); отсутствие в тыловых или прифронтовых районах страны общих гражданских судов (критерий правового обеспечения); совершение в определенных законом условиях тяжких и особо тяжких преступлений и иных правонарушений лицами, не имеющими статуса военнослужащего (субъектный критерий), и т. д.

Данные критерии, как и основания изменения юрисдикции, должны быть в обязательном порядке оговорены в законе, чтобы исключить их субъективные и разноречивые оценки в правоприменительной практике. Кроме того, как замечено Конституционным судом РФ, всякое ограничение права может допускаться лишь как временная мера. В противном случае оно является ни чем иным, как отменой права, которая недопустима в силу ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации [19].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, современные нормы, регулирующие юрисдикцию военных судов в условиях чрезвычайного положения, и правила их изменения основаны на нормах Конституции РФ и определены в материальном законе. В то же время следует отметить, что механизм реализации полномочий Верховного суда РФ по изменению территориальной юрисдикции законодателем не разработан. Данные полномочия, по нашему мнению, могут быть реализованы в трех формах: вынесения процессуального решения коллегиальным составом Судебной коллегии по делам военнослужащих, Президиумом Верховного суда РФ или изданием распоряжения (приказа) Председателя Верховного суда РФ.

Во-вторых, современное законодательство, регулирующее юрисдикцию военно-судебной власти в условиях военного положения, должно быть основано на конституционных принципах и нормах международного права, а их отступления – в обязательном порядке оговорены в федеральных конституционных законах. По своему правовому ограничению они должны быть минимальными и носить исключительно временный характер.

В-третьих, юрисдикция военных судов в условиях военного положения, основания и критерии ее изменения должны быть детально прописаны в отдельном нормативно-правовом акте и содержать в себе следующие элементы: субъекты уголовного преследования (военнослужащие, гражданские лица, интернированные и т. д.); территориальную юрисдикцию (театр военных действий, тыловые районы страны, оккупированные территории); род правонарушений (воинские преступления, общеуголовные преступления, дисциплинарный арест).

И в заключение следует привести слова французского философа Ш.Л. Монтескье: «Опыт народов, самых свободных, какие когда-либо существовали на Земле, заставляет меня признать, что бывают случаи, когда нужно на некоторое время набросить на свободу покрывало, как некогда покрывали статуи богов» [20, с. 330–331].

Ссылки:

1. Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 30. 631 с.
2. См.: Брежнев О.В. Судебная защита конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в условиях чрезвычайного и военного положения // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 12.
3. См.: Пчелинцев С.В. Об ограничении прав и свобод граждан в условиях военного положения: теоретические аспекты // Журнал российского права. № 2. 2002.
4. См.: Лозбинов В.В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации: Теория, законодательство, практика. М., 2001. 232 с.
5. Пчелинцев С.В. Развитие законодательства об осуществлении правосудия в условиях особых правовых режимов: история и современность // Журнал российского права. 2003. № 6.
6. Семенов С.Н. Основания и порядок изменения территориальной подсудности в уголовном процессе (вопросы применения и совершенствования законодательства) // Российская юстиция. 2008. № 1.
7. Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М., 2008. 448 с.
8. См.: Александров А.С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1.
9. О введении чрезвычайного положения на территории Республики Северная Осетия и Ингушской Республики : Указ Президента РФ от 2 декабря 1994 г. № 2145 (ред. от 09.12.1994) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. 5 дек. Ст. 3335.
10. О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта : Указ Президента РФ № 2166 от 9 декабря 1994 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 33. 12 дек. Ст. 3422.
11. О создании Грозненского гарнизонного военного суда : федер. закон от 8 октября 2002 г. № 121-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 41. 14 окт. Ст. 3968.
12. См.: Швейковский П.А. Устав военно-судебный. СПб., 1914. 1254 с.
13. Военный суд: его защитники и разрушители. СПб., 1883. 197 с.
14. Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.
15. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре от 20 августа 1926 г. // Собрание законодательства СССР. 1926. № 57. Ст. 413.
16. Петухов Н.А., Авдонкин В.С. О правовом регулировании организации военных судов России в период мобилизации и в военное время // Российская юстиция. 2005. № 7.
17. Всеобщая декларация прав человека (принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. 1995. № 67. 5 апр.
18. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. 28 апр. Ст. 291.
19. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой : определение Конституционного суда РФ от 14.07.1998 № 86-О // Собрание законодательства РФ. 1998. № 34. 24 авг. Ст. 4368.
20. Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999. 674 с.

References:

1. *Great Soviet Encyclopedia* 1978, Moscow, vol. 30, 631 p.

2. See: Brezhnev, OV 2010, 'Judicial protection of the constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation in the conditions of emergency or martial law', *Constitutional and municipal law*, no. 12.
3. See: Pchelintcev, SV 2002, 'On the restriction of the rights and freedoms of citizens under martial law: theoretical aspects', *Journal of Russian law*, no. 2.
4. See: Lozbinev, VV 2001, *Institute of emergency in the Russian Federation: theory, legislation and practice*, Moscow, 232 p.
5. Pchelintcev, SV 2003, 'The development of legislation on the administration of justice under special legal regimes: Past and Present', *Journal of Russian law*, no. 6.
6. Semenov, SN 2008, 'The grounds and procedure for changing the territorial jurisdiction in criminal proceedings (the use and improvement of legislation)', *Russian justice*, no. 1.
7. Kleandrov, MI 2008, *Status of judges: legal and related components*, Moscow, 448 p.
8. See: Aleksandrov, AS 2011, 'An approach to overcome the contradictions in the law governing the conclusion and implementation of the pre-trial agreement on cooperation in the criminal case', *Criminal Law*, no. 1.
9. 'The state of emergency in the territory of the Republic of North Ossetia and the Ingush Republic: Presidential Decree of December 2, 1994 № 2145 (ed. By 09.12.1994)' 1994, *Legislation of the Russian Federation*, no. 32, December 5, art. 3335.
10. 'On measures to curb the activities of illegal armed formations on the territory of the Chechen Republic and in the zone of the Ossetian-Ingush conflict: Presidential Decree № 2166 of December 9, 1994' 1994, *Legislation of the Russian Federation*, no. 33, December 12, art. 3422.
11. 'On the creation of the Grozny Garrison Military Court: Feder. Act of October 8, 2002 № 121-FZ' 2002, *Legislation of the Russian Federation*, no. 41, October 14, art. 3968.
12. See: Shveykovsky, PA 1914, *Statute of Military Justice*, St. Petersburg, 1254 p.
13. *The military court: its defenders and destroyers* 1883, St. Petersburg, 197 p.
14. 'The situation of military tribunals in areas declared under martial law, and war zones: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet on June 22, 1941' 1941, *Bulletin of the Supreme Soviet USSR*, no. 29.
15. 'The situation of military courts and the military prosecutor's office on August 20, 1926' 1926, *Legislation of the USSR*, no. 57, art. 413
16. Petukhov, NA & Avdonkin, VS 2005, 'On legal regulation of the organization of the military courts in the Russian mobilization period and in wartime', *Russian justice*, no. 7.
17. 'The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948)' 1995, *Russian newspaper*, no. 67, April 5.
18. 'International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16.12.1966 Resolution 2200 (XXI) in the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly)' 1976, *Bulletin of the Supreme Soviet USSR*, no. 17, April 28, art. 291.
19. 'In the case on the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On operative-investigative activity" on the complaint of the citizen IG Draft: the definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.1998 № 86-O' 1998, *Legislation of the Russian Federation*, no. 34, 24 August, art. 4368.
20. Montesquieu, S 1999, *The Spirit of Laws*, Moscow, 674 p.